

Протоиерей Константин Костромин

РОЖДЕНИЕ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. ОЧЕРК (AD MEMORANDUM)

Кафедра церковной истории продолжает традиции, заложенные 70 лет назад, при возрождении Ленинградской духовной академии. В статье восстанавливается процесс рождения этой школы на материалах архива СПбДА. Прослеживаются приглашение профессоров для преподавания церковно-исторических дисциплин, организация учебного процесса, защита квалификационных научных работ — магистерских и кандидатских диссертаций. Возрождение духовных школ в городе на Неве привело к доминированию церковно-исторического подхода к изучению церковных дисциплин и появлению самобытной, научно состоятельной школы, которая смогла сохраниться в атеистическом советском государстве.

Ключевые слова: Ленинградская духовная академия, церковная история, дисциплина, диссертация, профессор, С. А. Купрессов, прот. В. Верюжский, Н. Д. Успенский, А. И. Макаровский.

Весной 1946 г. вновь созданный при Священном Синоде Учебный комитет Русской Православной Церкви возглавил митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков), после чего вопрос восстановления Ленинградских духовных школ в подобном прежнему виде был почти решен. В течение весны и лета 1946 г. владыка Григорий набирал педагогический состав и занимался разработкой уставных документов¹. Текущая работа по организации деятельности Ленинградских духовных академии и семинарии была поручена протоиерею Иоанну Богоявленскому, имевшему опыт организации учебных заведений — в 1938 г. в Таллине и в 1945–1946 гг. Богословско-Пастырских курсов в Ленинграде, — уже редкому на тот момент носителю ученой степени магистра богословия за диссертацию по Ветхому Завету, защищенную в 1915 г.²

Протоиерей Константин Костромин — кандидат исторических наук, кандидат богословия, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии (k.a.kostromin@mail.ru).

¹ Шкаровский М. В. Санкт-Петербургские духовные школы в XX–XXI вв. СПб., 2015. Т. 1. С. 386–388.

² Санкт-Петербургская Духовная Академия. Профессора и преподаватели. 1946–1996. Биографический справочник СПб., 2011. С. 18–19.

Одним из наиболее трудно решаемых вопросов был кадровый. Необходимо было набрать преподавательский состав, причем для академии требовались преподаватели высшей квалификации — с богословским образованием и ученой степенью. Требования для ситуации тех лет более чем высокие, но необходимые; оставалось найти выживших после десятков лет гонений и Великой Отечественной войны, не уехавших за границу, сохранивших педагогическую квалификацию и не потерявших веру и желание преподавать богословские дисциплины. Только разыскивая рассеянных по всей территории страны бывших выпускников духовных академий, можно было собрать приемлемый кадровый состав двух открывавшихся академий (Московской и Ленинградской). Несколько кандидатов богословия дореволюционной поры служили священниками в храмах Ленинграда, однако их не пригласили на преподавательскую работу в академию, что было мотивировано митр. Григорием тем, что «такое совместительство препятствует и полноте пастырского служения, и полноценности преподавательской деятельности»³. Поскольку эти священники уже имели возможность проявить себя как преподаватели на Пастырских курсах, отказ от привлечения их, скорее всего, имел иную подоплеку: их пастырские способности были более ценными и востребованными, нежели преподавательские. Кроме того, было заявлено еще два требования к кандидатам в профессора и доценты духовной академии и семинарии, сильно сужавших круг возможных кандидатов. Во-первых, они должны были в течение всего периода сохранить педагогическую квалификацию и продолжать преподавать, что необходимо было подтвердить справками с предыдущих мест работы. Во-вторых, они не должны были быть связаны с обновленческим движением. Последнее требование особенно касалось духовенства. Оба их соблюсти, даже собирая педагогов со всей страны, было практически невозможно. Тем более трудно было предъявлять требования к научной и педагогической верности научным специальностям, по которым когда-то защищались кандидаты и магистры богословия.

Вместе с митрополитом Григорием, некогда, в 1920-х гг., организовавшим деятельность Петроградского богословского института, и протоиереем Иоанном Богоявленским у истоков Ленинградской академии стояли выпускники старой Академии — В. В. Четыркин, магистр богословия 1916 г., и С. А. Купрессов, кандидат 1912 г., а также выпускник

³ Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 3. Журналы заседаний Совета Ленинградской Духовной Академии и Семинарии за 1948–1949 уч. год. Л. 4.

Профессор С. А. Купрессов
(1887–1965)

Петроградского богословского института 1926 г., кандидат богословия Н. Д. Успенский⁴.

Вначале, когда был набран только один курс, преподавательский состав требовался совсем небольшой. Профессорами стали прот. И. Богдавленский (ректор возрожденной академии), прот. Александр Осипов и В. В. Четыркин, доцентами — С. А. Купрессов, П. Д. Вознесенский, Д. Д. Вознесенский и Н. Д. Успенский⁵. Все они, кроме прот. А. Осипова и П. Д. Вознесенского, в разные годы читали курсы историко-богословских дисциплин. Это было связано не столько с их научно-богословскими интересами, сколько с необходимостью духовной школы, при отсутствии других профессоров и преподавателей. Кроме

того, постоянно заседавший Педагогический совет с крайней неохотой шел на изменения в течение учебного года. (В число историко-богословских дисциплин мы сознательно включаем и те предметы, которые не связаны с историей Церкви напрямую. Т. е. речь идет не только об истории Русской Церкви и Древней Церкви, или истории поместных православных Церквей или Византии, но и тех предметах, где исторический компонент определял содержание читавшихся курсов — история Ветхого Завета, историческая литургия, отчасти сравнительное богословие и патрология, а также некоторые иные дисциплины. В любом случае, подобные случаи обговариваются в статье специальными ремарками.)

Здесь проявилась особенность, которая всегда — и ранее, и позднее — отличала Санкт-Петербургскую духовную академию от остальных. В ней всегда делался акцент на историческом ракурсе любой богословской дисциплины. Достаточно вспомнить корифеев дореволюционной

⁴ Шкаровский М. В. Санкт-Петербургские духовные школы в XX–XXI вв... Т. 1. С. 388; Санкт-Петербургская Духовная Академия. Профессора и преподаватели... С. 67–68, 127, 136–137.

⁵ Шкаровский М. В. Санкт-Петербургские духовные школы в XX–XXI вв... Т. 1. С. 390.

академии: сильные исторические кафедры «тянули» на себя другие богословские дисциплины. В. В. Болотов своим подходом к древней истории Церкви «задал тон» изучению богословия в историческом ключе⁶. Н. К. Никольский, увлекавшийся древнерусской словесностью, начал преподавать гомилетику, также дав ей ретроспективный славистический уклон⁷. В. Н. Бенешевич в историческом ключе рассматривал каноническое право Церкви⁸. Этот список можно продолжать долго. Важно подчеркнуть: историко-богословский синтез был и остается «визитной карточкой» Санкт-Петербургской–Петроградской–Ленинградской–Санкт-Петербургской духовной академии. И этот синтез так или иначе проявился в первом профессорско-преподавательском составе возобновляемой академии.

Так, магистерская диссертация прот. Иоанна Богоявленского, связанная с историей Иерусалимского храма, давала вполне естественный уклон в архаику и античность, что позволило ректору с легкостью перейти на преподавание истории Древней Церкви (в течение двух лет работы в академии исторических предметов он не читал)⁹. Тема диссертации прот. Александра Осипова лишь в «патристическом» аспекте была исторической — «Взгляд на папство свят. Иоанна Златоуста»¹⁰ (исторических предметов он также не читал). Диссертация В. В. Четыркина была посвящена исагогическому исследованию книги Откровения, так как он являлся учеником Н. Н. Глубоковского, который, даже увлекаясь смежными богословскими дисциплинами, в меньшей степени использовал «исторический компонент», нежели его коллеги, как И. Е. Евсеев¹¹. Однако это не помешало Четыркину читать курс истории Древней Церкви и Нового Завета одновременно (В. В. Четыркин умер через полтора года

⁶ Храпов А. В. Болотов // Православная энциклопедия. 2002. Т. 5. С. 663–668.

⁷ См.: *Иннокентий (Павлов), игум.* Введение в историю русской богословской мысли. М., 1995; *Иннокентий (Павлов), иером.* Санкт-Петербургская духовная академия как церковно-историческая школа // Богословские труды. Юбилейный сборник, посвященный 175-летию Ленинградской духовной академии. М., 1986. С. 211–268.

⁸ Герд Л. А., Шапов Я. Н. Бенешевич // Православная энциклопедия. 2002. Т. 4. С. 619–621.

⁹ Санкт-Петербургская Духовная Академия. Профессора и преподаватели... С. 18–19.

¹⁰ Фирсов С. Л. Апостасия. «Атеист Александр Осипов» и эпоха гонений на Русскую Православную Церковь. СПб.: Сатись, Держава, 2004. С. 78 (перевод названия магистерской диссертации прот. А. Осипова в книге С. Л. Фирсова дан дословно и едва понятен).

¹¹ Актовая речь профессора Четыркина «Новозаветная письменность в древнецерковном предании и библейская критика Нового времени» была опубликована в Журнале Московской Патриархии (1948. № 3. С. 34–43).

после возобновления академии, его сменил в преподавании этих предметов спешно выписанный из Одессы профессор А. И. Сагарда)¹².

Сугубым историком был Д. Д. Вознесенский. Его кандидатская диссертация «История Александро-Невского училища» была чисто исторической. Впоследствии он и читал историю Древней Церкви, историю Русской Церкви и библейскую историю, тем самым заявив о себе как об историке широкого профиля¹³. Его брат, П. Д. Вознесенский, начал читать церковнославянский язык и катехизис, но внезапно умер¹⁴. Его диссертация имела некоторый исторический аспект, поскольку в ней анализировались взгляды писателя XVII в. Юрия Крижанича¹⁵.

Преподававший более 40 лет Н. Д. Успенский, знаменитый литургист и ученик А. А. Дмитриевского, мыслил категориями исключительно исторической литургики, чем навсегда вписал себя в число церковных историков (поэтому в 1957 г. ему будет присвоена степень доктора церковной истории)¹⁶. Профессорское звание Н. Д. Успенскому было присвоено по случаю защиты им в Государственной консерватории диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения¹⁷. Это решение руководства показало, что советская ученая степень выглядела в его глазах даже еще более весомо (при наличии ученой богословской степени), нежели сами церковные степени.

Впоследствии и **С. А. Купрессов**, долгожитель из числа дореволюционных академических выпускников, защищавшийся в свое

¹² Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Годовой отчет по Ленинградским Духовным Академии и Семинарии за 1946–1947 г. Л. 14; Архив СПбДА. Годовой отчет по Ленинградским Духовным Академии и Семинарии за 1947–1948 г. Л. 8, 20; Санкт-Петербургская Духовная Академия. Профессора и преподаватели... С. 136–137.

¹³ См.: Санкт-Петербургская Духовная Академия. Профессора и преподаватели... С. 28. Д. Д. Вознесенский долго преподавал различные предметы, однако профессиональный уровень не поднимал. Учитывая опыт его педагогической деятельности до возобновления Ленинградской духовной академии, можно утверждать, что он был педагогом-универсалом среднего уровня без определенной специализации и без попыток углубления в науку.

¹⁴ Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Годовой отчет по Ленинградским Духовным Академии и Семинарии за 1946–1947 г. Л. 15.

¹⁵ Санкт-Петербургская Духовная Академия. Профессора и преподаватели... С. 29.

¹⁶ Библиография изданных работ, материалы к биографии и литература о нем см.: Успенский Н. Д. Православная вечерня: Историко-литургический очерк. Чин всенощного бдения (η ἀγρυπνία) на Православном Востоке и в Русской Церкви. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. (Серия: Литургическая библиотека). Т. 1. С. V–XXII.

¹⁷ Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Годовой отчет по Ленинградским Духовным Академии и Семинарии за 1946–1947 г. Л. 18–19.

время по новозаветной тематике, как и прот. И. Богдаевский, успел за долгие годы преподавательской деятельности составить курсы истории западных исповеданий и истории русского раскола, также оказавшись в «цеху» церковных историков. Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии 1912 г., кандидат по кафедре Нового Завета, С. А. Купрессов стажировался у проф. С. М. Зарина¹⁸. Однако новозаветная тематика у него так и не развилась. После окончания академии он был назначен преподавателем русского языка и истории русской литературы, сравнительного богословия и истории русского раскола и сектантства в Санкт-Петербургской духовной семинарии. Этот последний — исторический — предмет связал его с церковной историей. Впоследствии, с 1918 по 1945 гг., он преподавал в разных ВУЗах и техникумах Петрограда-Ленинграда в основном русский язык и литературу; в том числе и на Пастырских богословских курсах¹⁹. Революция и прекращение работы в академии вынудили С. А. Купрессова снова пойти учиться: в 1921 г. он закончил литературное отделение гуманитарного факультета Петроградской педагогической академии, окончательно связав свою судьбу с педагогикой. Даже преподавая в Ленинградской духовной академии, перейдя в нее на основное место работы, он продолжал преподавать русский язык в Военно-морском училище²⁰. Начав работать в академии, он вернулся к преподаванию тех же предметов, которые читал до революции: «расколо-сектантство», история и разбор западных исповеданий и, иногда, сравнительное богословие²¹.

В силу имевшихся у него интересов С. А. Купрессов рецензировал выпускные работы студентов по сектоведению и отчасти по истории Церкви: работу Н. Чеснокова «Выяснение причин разделения Церквей» (научный руководитель — прот. В. Верюжский); М. Козырева «М. П. Погодин и его значение в деле возрождения славянства»; кандидатской диссертации прот. А. Сергеенко (выпускника Свято-Сергиевского богословского института в Париже) «Старокатолическое движение (исторические и идеологические предпосылки)»; игум. Кассиана (Ярославского) «Учение о таинствах в творениях святых отцов и учителей Церкви II

¹⁸ Архив СПбДА. Д. 1317. Л. 2, 7.

¹⁹ Там же. Л. 4, 5, 8.

²⁰ Там же. Л. 1, 2.

²¹ Там же. Л. 6. «Околоисторические» предметы читал иногда и К. А. Сборовский (Архив СПбДА. Годовой отчет по Ленинградским Духовным Академии и Семинарии за 1948–1949 г. Л. 5).

и III вв.» и др.²² Даже когда С. А. Купрессов в сентябре 1960 г. не смог выйти из отпуска из-за болезни (после чего кафедра истории западных исповеданий перешла к прот. В. Боровому), в июне 1961 г. он дал отзыв на кандидатскую работу свящ. Л. Воронова²³.

Первый год работы Ленинградской духовной академии был только «пробным шаром». В сетке часов недоставало многих предметов, а профессорско-преподавательская корпорация не подавала надежд — Д. Д. Вознесенский умер, В. В. Четыркин стал тяжело болеть также уже на первом году работы, прот. И. Богоявленский, который также болел²⁴, засобирился уезжать. С уходом этих профессоров и без того неполный педагогический состав становился катастрофически мал, а количество студентов только росло. Это побудило руководство академии и лично митрополита Григория вновь заняться поиском кадров.

Кафедру истории Русской Церкви и славянских Церквей почти на два года занял кандидат богословия прот. Владимир Благовещенский (диссертация его, защищенная в 1912 г., была посвящена истории иконоборчества — на стыке истории и богословия)²⁵. Однако он был явно временной фигурой. Требовался постоянный надежный преподаватель, желательнее с научным потенциалом и лучшей, по сравнению с отцом Владимиром, педагогической практикой. Умершего В. В. Четыркина заменил А. И. Сагарда, ученик А. И. Бриллиантова, специализировавшийся по истории Древней Церкви, даже защитивший магистерскую диссертацию, но в период с 1930 по 1947 г. ушедший с преподавательской работы. Однако и он через два года умер²⁶. Было даже разработано Положение об ассистентах — студентах старших курсов, «имеющих несомненный интерес к тому предмету, в области которого он будет вести педагогическую работу». Эта работа и выполнялась ими внештатно, т. е. в случае невозможности найти преподавателю замену²⁷. С решением кадрового вопроса Положение действовать перестало.

²² Архив СПбДА. Д. 1317. Л. 53, 56, 57, 63.

²³ Там же. Л. 77, 79.

²⁴ Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Годовой отчет по Ленинградским Духовным Академии и Семинарии за 1947–1948 г. Л. 18.

²⁵ Санкт-Петербургская Духовная Академия. Профессора и преподаватели... С. 16.

²⁶ Там же. С. 107–109.

²⁷ Архив СПбДА. Годовой отчет по Ленинградским Духовным Академии и Семинарии за 1947–1948 г. Л. 86.

В 1948 г. на работу был принят В. А. Некрасов (кандидат богословия 1917 г.), занявший кафедру церковной археологии и истории христианского искусства и церковнославянского языка. В. А. Некрасов будет воспитывать студентов долгие двадцать лет. В 1960-х гг. в печати станут появляться его историко-архитектурные очерки, однако личная скромность не даст ему возможности написать диссертацию и подняться выше доцентского звания²⁸.

В 1949 г. кафедру истории Русской Церкви на шесть лет занял приглашенный прот. А. Осиповым из Изборска А. И. Макаровский, кандидат богословия 1913 г. (специализировался по психологии), некоторое время проживавший на территории буржуазной Эстонии и последние годы до пенсии работавший в школах Пскова, Нарвы и Изборска²⁹. Факт преподавания в средней школе, а не в ВУЗе, был воспринят Советом академии как несоответствие требованиям к преподавателю академии, но вопрос вскоре разрешился³⁰.

Замечательной находкой для академии стал **протоиерей Василий Максимович Верюжский**, но произошло это слишком уж поздно! Выпускник Петербургской духовной академии 1898 г. со степенью кандидата, он продолжил свое научное становление. В 1898–1901 гг. поехал в Болгарию, где стал преподавателем сравнительного богословия и истории философии в богословском училище в г. Самокове — на тот

Профессор А. И. Макаровский
(1888–1958)

²⁸ Санкт-Петербургская Духовная Академия. Профессора и преподаватели... С. 90–91. В справочнике сделана ошибка: в нем указано, что кафедру В. А. Некрасов занял с 1961 г., в то время как он числился на ней уже в 1948 г. (Архив СПбДА. Годовой отчет по Ленинградским Духовным Академии и Семинарии за 1948–1949 г. Л. 5).

²⁹ Архив СПбДА. Дело А. И. Макаровского. Л. 12–13, 18, 20, 22.

³⁰ Там же. Л. 32.

момент фактически единственном православном теологическом учебном заведении Болгарии семинарского (гимназического) уровня. Здесь он собрал уникальный материал по взаимоотношениям христианских конфессий на Балканах. Статьи, основанные на этом материале, были опубликованы им в различных болгарских и русских церковных периодических изданиях в 1901 и 1903 гг.³¹

По возвращении из Болгарии прот. В. Верюжский стал преподавать сравнительное богословие и историю и обличение раскола, т. е. исторические дисциплины, в Санкт-Петербургской духовной семинарии, в 1913 г. ему предложили стать доцентом, а затем и экстраординарным профессором кафедры истории славянских Церквей Санкт-Петербургской духовной академии, где он преподавал вплоть до ее закрытия³². Поводом к приглашению в академию стала защита им магистерской диссертации «Афанасий, архиеп. Холмогорский», заслужившей по отзыву профессора Н. К. Никольского Макарьевскую премию³³. После этого Василий Максимович, ставший священником, начал готовить докторскую диссертацию «Болгарский народ под греческой церковной властью. Происхождение болгарского церковного вопроса болгарской схизмы», которую к 1918 г. закончить не успел. Защита не состоялась, а постреволюционные годы оказались слишком напряженными, чтобы заниматься научной деятельностью. Правда, в 1919–1922 гг. отец Василий совмещал служение в храме Спаса-на-Крови с работой в Едином государственном архивном фонде, а в 1922 г. даже стал профессором кафедры истории славянских и Румынской православных Церквей Петроградского богословского института³⁴. Однако с 1923 г. его затянула церковная политика: сначала борьба с обновленчеством (в связи с чем он даже был арестован), а затем участие в иосифлянском движении. С момента, когда Спас-на-Крови был назначен кафедральным, отец Василий стал в нем ключарем, т. е. исполняющим обязанности настоятеля. По этой причине храм стал оплотом иосифлянского движения в Ленинграде. За активное участие в антисоветской деятельности иосифлян в 1929 г. отец Василий был арестован и приговорен к 10 годам лагерей, а после того как лагерь был заменен ссылкой, отец Василий почти до самой войны жил в Архангельске и Каргополе.

³¹ Архив СПбДА. Д. 1314. Л. 5, 9, 10.

³² Там же. Л. 5.

³³ Там же. Л. 9–10.

³⁴ Санкт-Петербургская Духовная Академия. Профессора и преподаватели... С. 26; Шкаровский М. В. Верюжский // Православная энциклопедия. 2004. Т. 8. С. 30.

После войны произошло несколько изменений в его биографии: он восстановил общение с Московской Патриархией (после избрания на патриарший престол Алексия I (Симанского)), с него была снята судимость и он смог защитить в Московской духовной академии свою «залежавшуюся» диссертацию на соискание степени доктора церковной истории (впоследствии его часто называли и доктором богословия, что в новых условиях было тождественно указанной степени)³⁵. По его собственным словам, о работе, практически готовой к защите, вспомнили в Москве и «вытребовали» ее в Московскую духовную академию; сам он о защите ее уже не помышлял³⁶.

Однако в тот момент применить на практике получение докторской степени ему не пришлось. Отца Василия разыскал А. И. Макаровский (за что, в частности, он потом поплатился арестом и заключением) и предложил ему стать преподавателем академии. Было решено открыть кафедру византологии и истории славянских Церквей, куда и пригласить Верюжского. Решением совета в марте 1951 г. отец Василий был приглашен на вновь учрежденную кафедру временно, чтобы обойти противодействие уполномоченного по делам религии (поначалу даже, для отвода глаз и, одновременно, чтобы не нарушать учебный процесс, совет отклонил предложение митрополита Григория принять Верюжского на академическую кафедру³⁷), но уже к июню — постоянно³⁸. В ответном письме отца Василия Совету академии чувствуется, что он был тронут и благодарен за предоставляемую возможность вернуться к деятельности в родной академии: «Выражаю свою искреннюю благодарность за честь избрания. По долгом обсуждении вопроса и при сознании трудности возлагаемых на меня обязанностей в моем возрасте (прот. Василию было уже 77 лет. — *прот. К. К.*), я все же не считаю возможным уклониться от делаемого мне предложения. На условия я согласен. Только я просил бы о сохранении мне

³⁵ Санкт-Петербургская Духовная Академия. Профессора и преподаватели... С. 26–27; Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. Изд. 3-е, исправ. и доп. СПб., 2010. С. 53; Шкаровский М. В. Верюжский... С. 30–31; Архив СПбДА. Д. 1314. Л. 5, 8, 9, 10. Подробнее см.: Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.

³⁶ Архив СПбДА. Д. 1314. Л. 10. В конце его жизни диссертация появилась и в библиотеке Ленинградской духовной академии (шифр Д-64, 1954).

³⁷ Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 2. Журналы Объединенных Педагогических Советов Ленинградских Духовных Академии и Семинарий за 1947/1948 уч. год. Л. 8.

³⁸ Архив СПбДА. Д. 1314. Л. 17, 18.

моей пенсии»³⁹. Пенсия была негосударственной. Она не была сохранена, что поставило отца Василия в довольно трудные материальные условия, однако скромный характер заставил его молчать, пока сам митрополит Григорий (Чуков) в июле 1952 г. не обратился к патриарху Алексию с просьбой в качестве исключения платить отцу Василию Верюжскому полную ставку, так как, будучи единственным доктором богословия, он получал зарплату меньше других, что «морально умаляет и унижает его по сравнению с другими профессорами и доцентами — его же учениками, получающими больше него». Митрополит Григорий отмечал в письме и то, как ревностно и качественно приступил прот. Василий к педагогической работе⁴⁰. Патриарх Алексий одобрил эту идею, но не раньше чем был арестован Л. П. Берия — в августе 1953 г.⁴¹

Приступая к чтению истории славянских Церквей, прот. Василий Верюжский написал в июле 1952 г. прошение митрополиту о необходимости для этой цели закупить в библиотеку Ленинградской духовной академии «отсутствующих в ней изданий славянских Академий наук (Софийской, Белградской, Загребской)». Список книг он выразил согласие подготовить. Митрополит Григорий почти слово в слово повторил эту просьбу патриарху⁴². Эта забота о студентах показывает, что отец Василий сохранил представления о научном качестве и намеревался передать их своим студентам. По крайней мере, в церковной науке того времени мало кто мог позволить себе выписывать современные книги на иностранных языках (в перечне отца Василия фигурировали сборники 1920–1930-х гг., изданные в Сербии и Болгарии)⁴³. Поскольку в эти годы он находился в заключении и ссылке, узнать об их существовании он мог только по возвращении в Ленинград на рубеже 1930–1940-х гг., что говорит о том, что научный интерес сохранился у него и в поздние годы жизни, когда он не был толком трудоустроен и бытовые проблемы, казалось, должны были мешать реализации творческих планов. Даже советские власти признавали, что «специалистов византологов... исключительно мало, их в Союзе буквально единицы, а Верюжский является

³⁹ Архив СПбДА. Д. 1314. Л. 20; *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви... С. 266–267.

⁴⁰ Архив СПбДА. Д. 1314. Л. 23.

⁴¹ Там же. Л. 59.

⁴² Там же. Л. 24, 25.

⁴³ Там же. Л. 72.

несомненной величиной первого разряда...»⁴⁴. Отец Василий продолжал пользоваться и иностранными языками: он владел греческим, латинским, французским, немецким, болгарским и сербским. Апеллируя к его эрудиции и знанию предмета, прот. Василия Верюжского просили выступить с актовой речью «Св. гора Афон и ее историческое значение для православия и славянства», текст которой печатается в этом номере «Христианского чтения»⁴⁵.

Характеристика прот. В. Верюжского уполномоченным по делам Русской Православной Церкви А. И. Кушнаревым тем более замечательна, что церковно-историческая наука в России (затем — СССР) была фактически уничтожена сразу после 1917 г. Подавляющее большинство выпускников и преподавателей Санкт-Петербургской духовной академии либо вовсе прекратили научные исследования по церковной тематике или даже вынуждены были вообще уйти из науки, либо должны были заняться такими исследованиями, которые не «компрометировали» бы их в глазах марксистских идеологов. В таких случаях тематика их исследований могла заметно измениться, но некий религиозный компонент в ней оставался. Прежде всего такой путь оказался возможным для историков литературы, в поле интереса которых оставалась древнерусская литература. Если присутствие Церкви в Древней Руси удавалось игнорировать или критически оценивать историкам, — ни то, ни другое не было в полной мере возможно литературоведам, так как, с одной стороны, светской, секулярной древнерусской литературы не существовало, а с другой, в ней существовали жанры (например, летописные памятники, эпос и др.), помогавшие понять древнерусскую литературу как далеко не только церковно-назидательную. Так возник Отдел древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). Он создавался вокруг нескольких человек, интересы которых — у кого больше, у кого меньше — были связаны с церковными памятниками литературы древности (кроме сотрудников ИРЛИ, касавшихся церковной тематики, как, например, В. Л. Комарович, Д. С. Лихачев, М. О. Скрипиль или В. И. Малышев, нужно также назвать университетского филолога И. П. Еремина⁴⁶). Академик А. С. Орлов мало был связан с церковными

⁴⁴ Шкаровский М. В. Иосифляноство: течение в Русской Православной Церкви... С. 267–268.

⁴⁵ Архив СПбДА. Д. 1314. Л. 26–58.

⁴⁶ См.: Библиография советских русских работ по литературе XI–XVII вв. за 1917–1957 гг. / Сост. Н. Ф. Дробленкова. Под ред. и со вступ. статьей В. П. Адриановой-Петец. М.; Л., 1961.

кругами до революции, а В. П. Адрианова-Перетц была связана с ними через мужа В. Н. Перетца.

Это направление условно «церковно-исторической» (не по социальной принадлежности исследователей и не по организатору исследований, но по их тематике) науки было тем более уникальным, что церковная тематика была напрочь вытравлена из исторических направлений исследования мировой истории, литературы и культуры. Средневековые литературы имели достаточно секулярной составляющей, так что игнорировать религиозную было легко, а позднеантичная историческая и литературная критика сосредоточилась, помимо поиска вольнодумства и «атеизма» в трудах античных авторов, на критике истоков и ранних литературных памятников христианства, полностью подрывая доверие и интерес к ним у последующих историков (особенно показательна в этом плане книга А. Б. Рановича о раннем христианстве: его история восстанавливается в ней исключительно по негативным по отношению к христианству источникам)⁴⁷. До работ И. Д. Амусина о кумранских находках⁴⁸ и И. С. Свенцицкой о раннем христианстве⁴⁹ (также не настроенных к христианству позитивно), в начале 1960-х гг. давших первый импульс к возрождению интереса к античному христианству в советской науке, было еще очень далеко⁵⁰.

Византистика, бывшая одной из «своих» отраслей исследования в духовных академиях и до революции содержавшая церковный компонент даже у светских историков, теперь испытывала давление марксистско-ленинской идеологии, в ней появились новые, задававшие иной вектор развития науки имена — М. В. Левченко и М. Я. Сюзюмов⁵¹. Оба очень далекие от церковных интересов люди, они воспитали целую плеяду советских византистов, без каких-либо проблем работавших

⁴⁷ Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Материалы и документы. М., 1933.

⁴⁸ Амусин И. Д. Рукописи Мертвого моря. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960.

⁴⁹ Свенцицкая И. С. Запрещённые евангелия. М., 1965.

⁵⁰ См. интересный обзор раннесоветской «академической» антихристианской литературы: *Мень А, прот.* Миф или действительность? // *Он же.* Сын Человеческий. М., 1991. С. 294–363, 410–422.

⁵¹ Единственным исключением может быть посвященная иконоборчеству кандидатская диссертация М. Я. Сюзюмова, с риском защищенная им в годы войны в Свердловске, в ссылке. Но нужно иметь в виду, что контекст работы был все-таки социально-политический (См.: *Поляковская М. А.* Михаил Яковлевич Сюзюмов: учёный и время // *Сюзюмов М. Я.* Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 9–10).

в учреждениях Академии наук, издававших большой академический журнал и публиковавших достаточно большое количество монографий, но полностью или почти полностью обходивших церковный аспект; особенно показательное отношение к религии трех наиболее крупных исследователей — А. П. Каждана⁵², З. В. Удальцовой и Г. Г. Литаврина. Поэтому возрождавшейся духовной академии в надежде на продолжение византиноведческих штудий опереться было не на кого и не на что, кроме старой дореволюционной литературы.

Иными словами, можно утверждать, что церковно-историческую школу надлежало возродить в условиях практически полного вакуума — при полувековом отсутствии школы, внутренней системы научной аттестации, внешних стимулов и сопутствующей внешней конъюнктуры. Советская наука практически полностью ушла от изучения тем, так или иначе связанных с Церковью, и не могла поощрить в этом церковную, крошечную по своим масштабам, среду. В этих условиях церковно-историческая (и — шире — богословская) школа должна была придумать систему научной аттестации, более или менее соответствующую дореволюционным традициям и современным ей советским требованиям (насколько это было возможно и вообще мыслилось необходимым), и поставить ее «на поток». Удивительно, но это удалось!

В новой системе научной аттестации было решено сохранить дореволюционную трехчастную систему кандидат-магистр-доктор, однако в сложившихся условиях она не могла не упроститься, особенно если учесть, что семинария из общего среднего профессионального превратилась в среднее специализированное учебное заведение, рассчитанное на совершеннолетних выпускников средней школы. Трехчастная система сразу начала ощущаться как нечто слишком громоздкое, докторские защиты были исключительным явлением. По факту система научных степеней стала склоняться к советскому типу кандидат-доктор, при том что докторская степень сохранила старое наименование «магистра». В какой-то степени такому ощущению помогало то, что, согласно «Постановлению Совета Народных Комиссаров СССР от 13 января 1934 г. № 79 Об ученых степенях и званиях», действовавшему после

⁵² Достаточно вспомнить единственную крупную «церковную работу» А. П. Каждана, типичного «шестидесятника», который, даже сбежав в США и испортив жизнь многим своим бывшим друзьям, вопросами истории христианства так и не заинтересовался: Каждан А. П. От Христа к Константину. М., 1965.

Профессор Н. Д. Успенский
(1900–1987)

войны, для получения степени доктора наук требовалось «публично защитить докторскую диссертацию на избранную соискателем тему. Диссертация должна обнаружить самостоятельную исследовательскую работу, в результате которой дано решение или теоретическое обобщение научных проблем или научно-обоснованная постановка новых проблем, представляющих значительный научный интерес», причем «к публичной защите докторской диссертации могут быть допущены также и лица, не имеющие ученой степени кандидата, но известные своими учеными трудами, открытиями или изобретениями», а также «степень доктора может быть присуждена без защиты диссертации лицам, известным выдающимися научными трудами, открытиями или изобретениями»⁵³.

Отчасти удовлетворявшие этим требованиям защиты магистерских диссертаций в послевоенные годы не были крайней редкостью. И основной преподавательский состав либо написал и защитил, либо в течение долгих лет писал эти магистерские работы. Магистерскую диссертацию по церковно-исторической тематике в первое десятилетие после возобновления академии защитили Н. Д. Успенский, С. А. Купрессов, А. И. Макаровский и иером. Леонид (Поляков).

Однако начало было трудным. В первый год существования академии темы кандидатских работ не утверждались. На втором году были утверждены темы докторской диссертации прот. А. Осипова (которая

⁵³ Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 13 января 1934 г. № 79 Об ученых степенях и званиях. П. 6. Следует обратить внимание на то, что в этих требованиях нет упоминаний о количестве печатных работ — монографий или статей. Защита вполне могла состояться при предоставлении только текста диссертации, не подтвержденной публикациями. Первые защиты (до изменения государственного законодательства) соответствовали всем формальным требованиям.

так и не была написана) и магистерской — Н. Д. Успенского, а также тема кандидатской диссертации А. Ф. Шишкина⁵⁴. Эти утверждения тем диссертаций крохотным преподавательским составом представляются сегодня не чем иным, как попыткой доказать себе и советскому государству, что научный потенциал духовных школ не иссяк. Н. Д. Успенский, не прекращавший научной деятельности, шел на защиту уверенно⁵⁵. Остальные названные выше (и многие последующие) докторанты и магистранты из числа профессоров и доцентов не были вполне уверены в своих силах и в качестве своих работ, особенно после блистательной диссертации Н. Д. Успенского. Поэтому когда дело дошло до защиты диссертации С. А. Купрессова «Василий Великий (из очерков по истории святоотеческой проповеди)», то даже он сам в своем слове в начале диспута заметил, что его работа является более «педагогической», а не «научной» в принятом смысле⁵⁶.

Другой аналогичный пример — магистерская защита А. И. Макаровского. В отзыве на его работу Н. Д. Успенский отметил, что представленный «труд А. И. Макаровского представляет собой курс его лекций по истории Русской Церкви», и потому был готов оценить его, «не предъявляя к нему требований собственно диссертационного порядка». Одно из наиболее слабых мест заключалось, по мнению рецензента, в том, что «Александр Иванович остановился на выводах проф. Голубинского как на последнем слове науки, оставив в стороне то, что сказала наука за полувековой период времени от проф. Голубинского до акад. Грекова». Н. Д. Успенский привел в пример труды Ф. И. Успенского, М. Д. Приселкова, М. К. Каргера, В. Н. Лазарева, А. С. Орлова, Д. С. Лихачева, Н. К. Гудзия, В. М. Истрина, которыми не воспользовался А. И. Макаровский⁵⁷. И это при том, что сам А. И. Макаровский в речи на магистерском диспуте упомянул, что видит свою задачу, в числе прочего, и в том,

⁵⁴ Архив СПбДА. Годовой отчет по Ленинградским Духовным Академии и Семинарии за 1947–1948 г. Л. 14. Тема А. Ф. Шишкина была, конечно, несерьезной («Историческое обозрение взаимоотношений Церкви и Государства в России с X в. по настоящее время»), но в данном случае Совет не мог отказать (Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 2. Журналы Объединенных Педагогических Советов Ленинградских Духовных Академии и Семинарии за 1947–1948 уч. год. Л. 18).

⁵⁵ Защита состоялась в 1949 г. (Архив СПбДА. Годовой отчет по Ленинградским Духовным Академии и Семинарии за 1948–1949 г. Л. 11; Санкт-Петербургская Духовная Академия. Профессора и преподаватели... С. 128).

⁵⁶ Архив СПбДА. Д. 1317. Л. 28–29.

⁵⁷ Архив СПбДА. Дело А. И. Макаровского. Л. 39, 42, 45, 47, 49.

чтобы «корректировать устарелые взгляды наших церковных историков соответственно добытым результатам новейших исследований историков СССР»⁵⁸. Защита диссертации Макаровского продемонстрировала не столько низкий научный уровень корпорации в целом, сколько дистанцию, отделявшую научную компетенцию Н. Д. Успенского от научной компетенции его коллег. Н. Д. Успенский показал, что он является ученым первой величины — в том числе и по меркам государственных требований, знает и использует современную ему литературу, которая была более чем далека от церковной тематики.

Хотя качеством научной подготовки прот. Василий Верюжский и Н. Д. Успенский сильно опережали своих коллег, отношение их к воспитанию новых кадров, которые должны были в скором времени заменить стареющих профессоров, было совершенно различным. Это сказалось прежде всего на руководстве научной деятельностью студентов академии. Так, за десять лет в академии была защищена всего одна диссертация по исторической литургике под руководством Н. Д. Успенского, в то время как прот. В. Верюжский, ответственно относившийся к подготовке смены, успел за отведенные ему Богом четыре года буквально «воспитать» нескольких кандидатов, в том числе и того, кого мыслил своим преемником. Он был готов отстаивать на совете данные им темы диссертаций, а также подробно объяснять, как именно он готовит своих студентов к научной деятельности. Все студенты были отправлены им работать в Публичную библиотеку, причем В. Стойков — в славянский отдел, поскольку его диссертация была посвящена Ю. И. Венелину⁵⁹. Отец Василий Верюжский начал готовить себе и смену в лице Игоря Тихоновского, добившись назначения его профессорским стипендиатом в 1954 г. «Я ставлю себе задачей, — писал отец Василий в октябре 1954 г., предчувствуя скорую смерть и потому торопясь, — сделать в лице Тихоновского подготовленного кандидата для преподавания церковной истории (в отделе моей специальности) в духовной школе»⁶⁰. Он подробно описал, что и как должен сделать стипендиат, чтобы овладеть предметом, указал необходимую литературу, в т. ч. на немецком и болгарском языках, чтобы преподавание истории славянских Церквей и византологии не потеряло своего качества.

⁵⁸ Макаровский А. И. Курс истории Русской Церкви (домонгольский период). Магистерская диссертация. Л., 1951. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-27). Л. 4.

⁵⁹ Архив СПбДА. Д. 1314. Л. 62, 72, 74.

⁶⁰ Там же. Л. 75, 76, 82.

Тема работы И. Тихоновского — «Не противоречат ли идее святости Церкви отрицательные стороны исторической, в частности церковной, жизни Византии?» — не столько историческая, сколько богословская. В таком ракурсе она и была написана. Кроме краткого, но хвалебного отзыва самого отца Василия, она получила сдержанный критический отзыв доцента В. А. Некрасова⁶¹, однако было понятно, что работа слабая. Ее тема и сам отзыв дают понять, что она скорее отвечала внутренним сомнениям и пересмотру жизненной позиции самого прот. Василия Верюжского, который должен был за несколько лет до того вернуться в Церковь, которую он долгие десятилетия считал «павшей». Однако надеждам отца Василия Верюжского на появление преемника из молодой поросли не суждено было сбыться. Только защищавшийся после смерти своего учителя Василий Стойков, в ходе подачи работы ставший диаконом, а затем священником, не посрамил честь своего учителя. Работа получилась по тогдашним меркам фундаментальной, ничуть не уступавшей лучшим светским кандидатским диссертациям. В ней был приведен внушительный список использованной литературы, в основном на болгарском языке, который студент выучил специально для чтения нужных книг, значительная доля литературы была новейшей — 1920-х и 1930-х гг.⁶² В отзывах на работу, почти лишенных критики (что было редчайшим явлением), иером. Леонид (Поляков) и доцент П. П. Игнатов рекомендовали обратить внимание на перспективного студента и назначить его после защиты профессорским стипендиатом⁶³.

Требования к кандидатской степени были столь же расплывчаты, как и к докторской, так что удовлетворить им было не так уж сложно: «Для получения степени кандидата наук по той или иной научной дисциплине требуется успешное прохождение аспирантуры в течение установленного срока (или сдача соответствующего испытания) и публичная защита кандидатской диссертации на избранную соискателем тему. Диссертация должна обнаружить общие теоретические знания в области данной дисциплины, специальные знания по вопросам диссертации

⁶¹ Отзывы на курсовые сочинения (№ 5–39). [Л.,] б/г. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-126). Л. 125–132.

⁶² См.: *Стойков В., диак.* Юрий Иванович Венелин и его значение в деле национального возрождения болгар. Курсовое сочинение. Л., 1955. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-54).

⁶³ Отзывы на курсовые сочинения (№ 5–39). Л. 154, 157.

и способность к самостоятельному научному исследованию»⁶⁴. Оценить качество диссертаций, защищенных в Ленинградской духовной академии в эти годы, можно, сравнив их с типическими диссертациями по таким гуманитарным дисциплинам, как история или философия. Выводы красноречиво свидетельствуют: довольно низкий в среднем уровень богословских диссертаций соответствовал заданной советской научно-административной конъюнктурой планке⁶⁵. В оправдание духовных школ следует заметить, что причиной такого положения была не конъюнктура, которая в Церкви в тот момент полностью отсутствовала, а деформированная система духовного образования (семинария, отвечавшая фактически требованиям к среднему профессиональному образованию, и академия, не успевавшая за 4 года после этого воспитать полноценные научные кадры; создать же иную систему не было ни сил, ни позволения партии и правительства) и тот интеллектуальный вакуум, в который церковная наука оказалась погружена в атеистическом государстве и общественной мысли.

Будучи ограничены объемом статьи, мы не имеем возможности рассмотреть все кандидатские диссертации по церковно-исторической тематике, защищенные или поданные в первые десять лет функционирования Ленинградской духовной академии: общее число их переваливает за 30. Поэтому ограничимся обзором диссертаций, которые были написаны студентами первых выпусков. Почти все кандидатские диссертации в первые годы защищались по истории Русской Церкви, причем научный руководитель не назначался. Первой защищенной кандидатской

⁶⁴ Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 13 января 1934 г. № 79 Об ученых степенях и званиях. П. 5.

⁶⁵ Достаточно посмотреть на типические темы кандидатских диссертаций по истории, философии или педагогики. Например: *Хмара И. М.* Работа партии большевиков среди деревенской бедноты в период подготовки и в первые годы коллективизации сельского хозяйства (1925–1931 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ленингр. гос. ордена Ленина ун-т им. А. А. Жданова. Л., 1950; *Васин П. Г.* Борьба между старым и новым в советском социалистическом обществе. Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ленингр. гос. ордена Ленина ун-т им. А. А. Жданова. Ин-т повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма при ЛГУ. Л., 1950; *Анастасьева Т. Н.* Воспитание социалистического оптимизма у учащихся старших классов средней школы. Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ин-т теории и истории педагогики АПН РСФСР. [М.,] 1950. Разумеется, были диссертации и на порядок более серьезные, однако их количество относительно «партийно-номенклатурного шлама» примерно соответствует и количеству качественных диссертаций по богословию по отношению к «удовлетворительным». К слову, философских диссертаций в 1950 г. по всему СССР было защищено меньше десяти.

работой стало сочинение священника Николая Фомичева «Из истории монашества в Псковской земле»⁶⁶. Местами небезынтересная, она была написана в компилятивном стиле, без обращения к источникам, но зато с использованием современной литературы. Сочинение было оценено рецензентами удовлетворительно, причем рецензия А. И. Макаровского, ранее занимавшегося историей Псковщины, была очень критической⁶⁷.

В 1951 г. было подано сразу шесть работ на церковно-исторические темы. Это означало, что защиты курсовых сочинений с присвоением степени кандидата богословия теперь становились системным явлением. Одна из поданных работ (прежде всего по причине ее злободневности) не была защищена⁶⁸. В целом работы были встречены рецензентами (особенно А. И. Макаровским) очень критично, хотя всем им была дана удовлетворительная оценка. Особенно характерна оценка, данная рецензентом прот. А. Сергиенко работе прот. Михаила Славнитского: «...К сожалению, не могу не отметить, что сочинение в общем не дает ничего нового для богословской науки», но «считаю возможным признать сочинение о. прот. М. Славницкого удовлетворительным»⁶⁹.

Однако не обо всех поданных работах можно сказать то же самое. Критически встреченная работа М. Афанасьева содержала любопытные святоотеческие параллели к сочинениям преп. Нила Сорского⁷⁰. А сочинение В. Ф. Алтунина было написано в значительной степени на сведениях редкой книги, содержавшейся в библиотеке Почаевской лавры, выжившей благодаря тому, что лавра находилась на польских территориях до 1946 г. Часть использованных при подготовке сочинения книг была

⁶⁶ Фомичев Н., свящ. Из истории монашества в Псковской земле. Л., 1950. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-6).

⁶⁷ Отзывы на курсовые сочинения (№ 40–80). [Л.,] б/г. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-125). Л. 21–32.

⁶⁸ Плотников С. Т. Историко-канонический разбор обновленчества. Л., 1951. Машинопись (библиотека СПбДА, шифры Д-15, Д-285).

⁶⁹ Отзывы на курсовые сочинения (№ 40–80). Л. 174; Славнитский М., прот. Жизнь и деятельность Иннокентия архиепископа Херсонского и Таврического. Л., 1951. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-16). Такими же были работы: Сергиевский С. П. Митрополит Антоний (Вадковский) и его значение в истории Русской Церкви. Л., 1951. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-21); Серафим (Бондарь), иером. Австрийская иерархия перед судом истории и канонов. Л., 1951. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-17).

⁷⁰ Отзывы на курсовые сочинения (№ 40–80). Л. 97–142; Афанасьев М. И. Преподобный Нил Сорский и его идеал монашеской жизни. Л., 1951. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-13).

на польском языке⁷¹. Уже через год-два темы диссертаций станут разнообразнее и актуальнее в контексте советской гуманитарной науки.

Научная активность вынужденно проявлялась в первую очередь публикацией статей, поскольку печатание монографий было практически невозможно. Единственным церковным органом, доступным для публикации по церковной тематике, был «Журнал Московской Патриархии». В нем, в мартовском выпуске за 1945 г., была впервые опубликована научная статья. Это была работа Н. Д. Успенского «Святая Четыредесятница» — первая статья в церковном журнале, снабженная ссылочным аппаратом. Как почти все работы Н. Д. Успенского, она имела историко-литургический ракурс. Чуть позднее, в 1948 г., сразу в трех выпусках — №№ 7, 11 и 12 — была опубликована большая статья прот. Василия Верюжского «Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы». Эта статья, также научного плана, фактически положила конец молчанию церковных ученых. После этих двух статей публикация научных работ станет все более и более популярной.

Менялась эпоха. В начале 1950-х гг. Сталиным было задумано возобновление гонений на Церковь. Однако его план не был приведен в исполнение, а церковная наука уже зажила своей жизнью. Основатели Ленинградской духовной академии уходили в мир иной. Первым выпускником возрожденной академии, ставшим ее преподавателем, был иером. Леонид (Поляков), это произошло в 1952 г. Церковно-историческая наука была и в этом процессе впереди. От чисто патрологических работ отец Леонид перешел к церковно-исторической тематике. Это было первым торжеством церковной истории в возрожденной Ленинградской духовной академии.

⁷¹ Алтунин В. Ф. Преподобный Иов, игумен Почаевский, его жизнь и деятельность на пользу Православной Церкви. Л., 1951. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-18).

Источники и литература

Источники

Архивные фонды

1. Архив СПбДА. Годовой отчет по Ленинградским Духовным Академии и Семинарии за 1948–1949 г.
2. Архив СПбДА. Д. 1314.
3. Архив СПбДА. Д. 1317.
4. Архив СПбДА. Дело А. И. Макаровского.
5. Архив СПбДА. Журналы Объединенных Педагогических Советов Ленинградских Духовных Академии и Семинарии за 1947/1948 уч. год. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 2.
6. Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Годовой отчет по Ленинградским Духовным Академии и Семинарии за 1946–1947 г.
7. Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Годовой отчет по Ленинградским Духовным Академии и Семинарии за 1947–1948 г.
8. Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 3. Журналы заседаний Совета Ленинградской Духовной Академии и Семинарии за 1948–1949 уч. год.

Диссертации библиотеки СПбДА

9. *Алтунин В. Ф.* Преподобный Иов, игумен Почаевский, его жизнь и деятельность на пользу Православной Церкви. Л., 1951. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-18).
10. *Афанасьев М. И.* Преподобный Нил Сорский и его идеал монашеской жизни. Л., 1951. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-13).
11. *Макаровский А. И.* Курс истории Русской Церкви (домонгольский период). Магистерская диссертация. Л., 1951. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-27).
12. Отзывы на курсовые сочинения (№ 40–80). [Л.,] б/г. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-125).
13. Отзывы на курсовые сочинения (№ 5–39). [Л.,] б/г. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-126).
14. *Плотников С. Т.* Историко-канонический разбор обновленчества. Л., 1951. Машинопись (библиотека СПбДА, шифры Д-15, Д-285).
15. *Серафим (Бондарь), иером.* Австрийская иерархия перед судом истории и канонов. Л., 1951. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-17).
16. *Сергиевский С. П.* Митрополит Антоний (Вадковский) и его значение в истории Русской Церкви. Л., 1951. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-21).

17. *Славнитский М., прот.* Жизнь и деятельность Иннокентия архиепископа Херсонского и Таврического. Л., 1951. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-16).

18. *Стойков В., диак.* Юрий Иванович Венелин и его значение в деле национального возрождения болгар. Курсовое сочинение. Л., 1955. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-54).

19. *Фомичев Н., свящ.* Из истории монашества в Псковской земле. Л., 1950. Машинопись (библиотека СПбДА, шифр Д-6).

Литература

20. *Амусин И. Д.* Рукописи Мертвого Моря. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960.

21. *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святые Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. Изд. 3-е, исправ. и доп. СПб.: Лики России, Спас, 2010.

22. Библиография советских русских работ по литературе XI–XVII вв. за 1917–1957 гг. / Сост. Н. Ф. Дробленкова. Под ред. и со вступ. статьей В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1961.

23. *Герд Л. А., Щапов Я. Н.* Бенешевич // Православная энциклопедия. 2002. Т. 4. С. 619–621.

24. *Иннокентий (Павлов), игум.* Введение в историю русской богословской мысли. М., 1995.

25. *Иннокентий (Павлов), иером.* Санкт-Петербургская духовная академия как церковно-историческая школа // Богословские труды. Юбилейный сборник, посвященный 175-летию Ленинградской духовной академии. М., 1986. С. 211–268.

26. *Каждан А. П.* От Христа к Константину. М., 1965.

27. *Мень А, прот.* Миф или действительность? // *Он же.* Сын Человеческий. М.: Р. С., 1991. С. 294–363, 410–422.

28. *Поляковская М. А.* Михаил Яковлевич Сюзюмов: учёный и время // *Сюзюмов М. Я.* Византийские этюды. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 5–22.

29. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 13 января 1934 г. № 79 Об ученых степенях и званиях.

30. *Ранович А. Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Материалы и документы. М., 1933.

31. Санкт-Петербургская Духовная Академия. Профессора и преподаватели. 1946–1996. Биографический справочник / Сост. О. И. Ходаковская, А. А. Бовкало. СПб.: Дивный остров, 2011.

32. *Свенцицкая И. С.* Запрещённые евангелия. М., 1965.

33. *Успенский Н. Д.* Православная вечерня: Историко-литургический очерк. Чин всеобщего бдения (ἡ ἀγρυπνία) на Православном Востоке и в Русской

Церкви. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. (Серия: Литургическая библиотека). Т. 1.

34. *Фирсов С. Л.* Апостасия. «Атеист Александр Осипов» и эпоха гонений на Русскую Православную Церковь. СПб.: Сатисъ, Держава, 2004.

35. *Храпов А. В.* Болотов // Православная энциклопедия. 2002. Т. 5. С. 663–668.

36. *Шкаровский М. В.* Верюжский // Православная энциклопедия. 2004. Т. 8. С. 30–31.

37. *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб.: Мемориал, 1999.

38. *Шкаровский М. В.* Санкт-Петербургские духовные школы в XX–XXI вв. СПб., 2015. Т. 1.

Archpriest Konstantin Kostromin. The Birth of the Church History School of Leningrad Theological Academy (ad memorandum).

The Department of Church History continues traditions that were established 70 years ago, during the rebirth of Leningrad Theological Academy. In this article, the author studies, based on archival materials from the archives of St. Petersburg Theological Academy, the process of recreating the Leningrad school of church history. The author identifies the main processes: invitations extended to professors for teaching historical disciplines at the Academy, the organization of the educational process, and the defence of qualification papers (master's and candidate's theses). The rebirth of the theological academy in Russia's Northern Capital led to the fact that the historical approach came to dominate in all theological disciplines and allowed an independent school of scholarship to emerge, which could continue its work in an atheist Soviet state.

Keywords: Leningrad Theological Academy, church history, field of scholarship, dissertation, Professor, Sergey Kupressov, Archpriest Vasily Veryuzhsky, Nikolai Uspensky, Aleksandr Makarovskiy.

Archpriest Konstantin Kostromin — Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, Lecturer at St. Petersburg Theological Academy (k.a.kostromin@mail.ru).